

Дмитрий РАТНИКОВ

ГРЕЧЕСКИЕ СТРОФЫ

I

Древнейшая, но бедная страна,
лежащая почти посередине
материка. На севере она
покрыта скалами. На юге острова,
где одиноко царствуют в долине
красивые нагие божества.

В столице есть прекрасные руины.
Тут путника преследуют скульптуры
героев, помиравших от рутины,
и монстров, умиравших от людей,
туристы, точно часть архитектуры,
в музеях — суета очередей.

В закатном солнце арка Адриана
и колоннады храма Зевса
бросают тени в виде радианы
на каменную площадь. И в таверне
от ракии теряешь свойство веса
и улетаешь вверх неимоверно.

Кривая улица зажата по краям
гостиницей, оградами, ларьками,
блестит брусчатка, точно чешуя
тритона, выходящего из моря.
И гарпии.., их полчища над нами
свирепо на деревьях тараторят.

Закончился декабрь. Фонари
скрываются в листве большого лавра.
Эрехтейон стремится изнутри
к распаду симметричности предмета.
И мы в ночи, подобно динозаврам,
невольно каменеем, видя это.

Дмитрий Ратников родился в 1986 году. Окончил аспирантуру кафедры философии СмолГУ. Состоял в литературной студии «Персона» при филфаке СмолГУ. Публиковался в сборниках и альманахах, в журнале «Крещатик». Живет в Смоленске.

II

Вот — город, где всего полно,
особенно для опытных туристов:
сукно, оливки, красное вино,
собрания дотошных букинистов;

контрабандистов пестрые ковры
и серебро, в котором алюминий —
тут женщина становится богиней,
но ненадолго; мрут от мошкары

лоточники, торговцы дребеденью;
внутри таверны музыка и дым
дают толчок сердцебиенью,
и вместе с ним

вино и кровь становятся едины,
и чудища, и боги, в том числе
титаны прямиком из Атлантиды,
Еврителион — с тобой навеселе;

в таком вертепе, где бессильно «я»,
где каждый раз ломаешь столько копий,
ты сам теперь — античный симулякр,
подобье копий.

III

Зима в Афинах. Белый Парфенон
сливается с тенями спозаранку.
И каждый из прохожих окружен
такой архитектурой наизнанку:

остатки амфилады, за стеной
неровные фрагменты зодиака.
Но кажется пространство за спиной
недвижимо во времени. Однако

уже в тавернах подают вино,
и запах свежей выпечки столовой
врывается в открытое окно,
как будто Аполлон златоголовый.

И в декабре здесь дикий апельсин
растет, как елка с желтыми шарами.
Без снега город, крутится над нами
античный космос — вечен и един.

Так утром наступает «завтра» —
грядет сочельник. В маленьком отеле
в кровати человек на самом деле
становится прообразом кентавра.

Вдали от дома быть под Рождество
в той части света на плечах титана,
где прошлое сильнее, чем естество
реальности, где чувствуют родство
родная речь и бездна океана.

IV

Я бы жил три тысячи лет назад,
поутру раскрывая все окна спальни,
глазел на море, фруктовый сад
и на скучный профиль высокой пальмы,
на ладье в заливе ловил кефаль,
где на рифах чайки, не то — сирены
наводили на сердце тоску-печаль,
и слагал без рифмы совсем катрены
о чудовищах, что с другой стороны
выходили на берег в начале эры,
героях черт знает какой войны,
не воспетой даже самим Гомером,
и один дошел до конца плато,
где кончаются части любые света,
о котором не мыслил и сам Платон,
а потом рукою махнул на это,
и вступил в пехоту родных племен,
и сражался отчаянно на просторе
бесконечной пустыни, но был пленен,
бежал и все-таки пал у Трои
в бою с Ахиллом — и от него
не стал в отличие мифом или
эпосом, частью всего того,
что обнаружит Шлиман.

V

Там, где растет платан
вдоль широких дорог,
раньше бродил Платон
и вел диалог.

Ночью горела стократ
лампочки в лампе сильней
Селена. И друг, Сократ,
лучший из всех людей,

ему говорил всегда,
что человек вообще
более чем звезда —
мера любых вещей,

мера всего, что есть,
ибо с рожденья сам
себе первородный текст,
без берегов океан;

душа у него светла,
нету в нем тьмы — никто
в корне не жаждет зла,
ибо оно — пусто,

никто из живых людей
мир не постигнет вдруг,
ибо мудрец глупей
и дурака. Мой друг,

если и можно понять
Логос и Океан,
приди на исходе дня
туда, где растет платан.

VI

Когда море смотрит тебе в лицо,
вечеру расправляя складки всего простора,
и светило овальное, точно само словцо,
застывает ровно к концу разговора,
слышен Пан, играющий в стеблях трав,
и волну на щеке каменистой почвы
разгоняют мгновенно одни ветра,
а в квадратном окне деревянной почты
не маячит еще ни одна звезда,
и скрипят, и качаются на причале
рыболовные люльки туда-сюда —
так рождается свойство самой печали,
и, цепляясь за воздух, пытливый глаз
ничего не находит, во тьме синяя, —
ни вестей в бутылке в который раз,
ни сердитой флотилии Одиссея.